

КОММОДИФИКАЦИЯ ЯЗЫКОВ И ЯЗЫКОВОЙ ЛАНДШАФТ СТОЛИЦЫ МОНГОЛИИ

Эржен В. Хилханова

Институт языкознания Российской академии наук, Российская Федерация

Вячеслав В. Иванов

Институт языкознания Российской академии наук, Российская Федерация

В статье рассматривается теоретический концепт коммодификации языка (в том числе применительно к русскому языку в разных странах мира), представляющий собой исследовательскую перспективу, с которой анализируется языковой ландшафт страны, не изученной с этой точки зрения, – Монголии. Авторы анализируют устройство языкового пространства столицы Монголии Улан-Батора с точки зрения количественной представленности и характера функционирования в нем разных иностранных языков. Предварительно авторы кратко описывают историческую, современную и социолингвистическую ситуацию в Монголии. Материалом исследования в настоящей статье стали 280 вывесок, собранных в 2023 г. на одной из центральных улиц Улан-Батора – Бага тойруу. Анализ показал, что наиболее представленным иностранным языком является английский, а также корейский и японский, которые значительно уступают английскому в представленности. Остальные языки (китайский, русский, итальянский, испанский, французский, санскрит, узбекский и турецкий) встречаются лишь в единичных случаях, причем китайский и русский немного превосходят по численности остальные. Авторы объясняют одинаково низкую степень присутствия китайского и русского языков в языковом ландшафте Улан-Батора разными причинами. Если слабая представленность русского языка свидетельствует о его низкой коммодификационной ценности в представлениях современных монголов, то низкий уровень представленности китайского языка следует отнести скорее на счет антикитайских настроений. Полученные результаты свидетельствуют, что в отношении языкового ландшафта Улан-Батора только частично можно сделать вывод об отделении языка от ассоциирующихся с ним носителей, а также о том, что «деньги решают все». Языковой ландшафт Улан-Батора строится, следуя не только инструментально-прагматичным, но и неутилитарным, нерациональным мотивам.

Ключевые слова: коммодификация языка, товар, языковой ландшафт, Монголия, Улан-Батор, английский язык, китайский язык, русский язык

THE COMMODIFICATION OF LANGUAGES AND LINGUISTIC LANDSCAPE OF THE CAPITAL OF MONGOLIA

Erzhen V. Khilkhanova

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Vyacheslav V. Ivanov

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

The article discusses the theoretical concept of language commodification (also in relation to the Russian language in different countries) as a research perspective from which the linguistic landscape of Mongolia is analyzed. Mongolia is a country unexplored from this perspective.

The linguistic landscape of the Mongolian capital Ulaanbaatar is analyzed from the point of view of the quantitative representation and the nature of functioning of different foreign languages in it. The authors briefly describe the historical, contemporary, and sociolinguistic situation in Mongolia. The research material in this article is 280 signs collected in 2023 on one of the central streets of Ulaanbaatar — Baga toiruu. The analysis showed that the most frequently represented foreign language is English followed by Korean and Japanese, with a significant gap between these two and English. The other languages (Chinese, Russian, Italian, Spanish, French, Sanskrit, Uzbek and Turkish) are found only in few cases, with Chinese and Russian slightly outnumbering the rest. The authors explain the equally low degree of presence of Chinese and Russian languages in the linguistic landscape of Ulaanbaatar by different reasons. If the weak representation of Russian indicates its low commodification value in modern Mongols' perception, the low level of representation of Chinese should be attributed rather to anti-Chinese sentiments. The results obtained indicate that the linguistic landscape of Ulaanbaatar only partly reflects the "money talks" principle and the separation of languages from the speakers associated with it observed in some other countries. The contributors to the linguistic landscape of Ulaanbaatar are driven not only by instrumental and pragmatic reasons, but also by non-utilitarian, non-rational motives.

Keywords: *language commodification, commodity, linguistic landscape, Mongolia, Ulaanbaatar, English, Chinese, Russian*

1. Введение

Коммодификация (commodification) языка – процесс обретения языком денежной стоимости и превращения его в своеобразный товар – представляет собой новое направление западной социолингвистики. Оно строится на той же теоретической платформе, что и экономика языка, в частности на положении, что языки – это формы символического капитала, которые можно превратить в экономический капитал (зарплата, дополнительная прибыль), а языковое пространство – рынок, где различные языки и формы языка (например, академический язык) имеют различную стоимость, определяемую господствующими социальными группами и правящими структурами. Основоположники этого направления – канадский исследователь Моника Хеллер и ее швейцарский коллега Александр Дюшен, развивающие идеи Пьера Бурдьё [Павленко, 2016: 24]. Соответственно, коммодификационные исследования органично вписываются в более широкие теоретико-методологические рамки экономики языка, языковой политики, языковых идеологий и ряда других исследовательских областей [Хилханова, 2022a].

Интерес лингвистов к коммодификации (или, иными словами, коммерциализации) языка представляет собой их реакцию на новый лингвистический феномен. Очевидно, что английский язык как глобальный язык, имперский язык, обладает бесспорной коммодификационной ценностью и давно уже является объектом интереса лингвистов с этой точки зрения. Однако функционирование многоязычия в новой глобализированной экономике намного сложнее и связано не только с английским, но и с другими языками. Английский язык может быть необходимым условием для выхода на глобальный рынок, но его уже недостаточно для конкурентного преимущества [Павленко, 2017; Duchêne, Heller, 2012]. Осознание этого факта и

включение других языков в орбиту социолингвистических исследований коммодификационного плана – явление буквально последнего десятилетия.

В настоящей работе теоретический концепт коммодификации языка предоставляет нам объяснительную рамку, или исследовательскую перспективу, с которой рассматриваются явления, описываемые в рамках другого нового направления – исследований языкового ландшафта (далее – ЯЛ). Ведь изучение объектов и знаков ЯЛ имеет научную значимость тогда, когда эти знаки и объекты дают нам сведения о социальном устройстве городского пространства, где они представлены, отражая более широкие явления социолингвистического, лингвокультурологического, психолингвистического и другого плана. Например, это может быть выявление степени и характера представленности миноритарных языков в ЯЛ [Gorter, Cenoz, 2006], репрезентация (советской, русской, мировой, региональной) культурной специфики в ЯЛ [Михайлюкова, 2013]), изучение «вербального сознания» и его связи с языком городского социума [Пешкова, 2016]. В таком междисциплинарном формате за последние двадцать лет изучение ЯЛ претендует уже на статус дисциплины в современной социолингвистике, имеющей собственный журнал “Linguistic Landscape”, регулярные конференции и методы сбора и анализа данных [Павленко, 2017]. Значимость ЯЛ обусловлена тем, что он как бы легитимизирует использование языка в публичном пространстве, сигнализирует о некотором его статусе. За счет ЯЛ может происходить символическое переопределение пространства [Баранова, Федорова, 2020: 49].

Бум интереса лингвистов к ЯЛ обошел вниманием регион, ставший географическим объектом нашего исследования – Монголию. Поэтому целью нашей работы является выяснение того, как устроено языковое пространство ее столицы – города Улан-Батора – с точки зрения двух параметров: представленности и функционирования в нем разных иностранных языков. Предполагается, что представленность языка можно оценить в количественных характеристиках (т.е. в количестве знаков, содержащих данные языки, и процентном отношении к другим языкам), а функционирование – в качественных характеристиках (в каких типах заведений представлен тот или иной язык, на каких типах знаков и т.д.). Оценка обоих параметров дает возможность сделать выводы о коммодификационной ценности, которую имеют те или иные иностранные языки в ЯЛ Улан-Батора.

2. Русский язык как commodity

На сегодняшний день появилось уже достаточно много работ на тему коммодификации русского языка, в значительно меньшей степени – других языков России [см., напр.: Ferguson, Sidorova, 2018; Manchurina, Samsonova, 2021; Хилханова, 2022б; Иванов, 2021]. Установлено, что русский язык функционирует как *commodity*, т.е. как инструмент получения прибыли для коммерческих структур в тех зарубежных странах, где большой туристический поток из России, а также в постсоветских странах или странах с большим процентом русскоязычного населения: Кипр, Финляндия, страны Балтии, Китай и др. [Павленко, 2016; Павленко, 2017; Pavlenko, 2017; Щербakov, 2020; Muth, 2017; Viimaranta, Protassova, Mustajoki, 2017]. Например, в работах А. Павленко коммодификация русского языка на Кипре объясняется экономическим подъемом России с конца 1990-х годов. Языковая политика того времени перестала быть прерогативой государственных органов и стала инструментом получения прибыли для бизнеса и глобальных корпораций, превратившись в товар и на практике, и на уровне дискурса [Павленко, 2016: 30]. Положение и престиж русского языка в зарубежных странах (и особенно в странах – бывших партнерах и союзниках России) является показателем того, как эти страны оценивают перспективы сотрудничества с Россией. Коммодификация русского языка наиболее очевидна в туристической индустрии ввиду слабого владения иностранными языками большинством российских туристов; например, в отчете «Культура Финляндии» 2014 г. утверждается, что только 29 % россиян владеют английским языком хотя бы на начальном уровне, поэтому для посетителей из России информация о товарах или услугах на русском языке имеет решающее значение для принятия решений о покупке [Viimaranta et. al., 2017: 621].

Когда язык превращается в товар, может наблюдаться примечательное социолингвистическое явление: *отделение языка от ассоциирующихся с ним носителей*. Оно примечательно тем, что, как правило, языковые установки (отношение к языку) являются, по сути, установками по отношению к говорящим на данном языке [Chambers, 2000; Хилханов, Хилханова, 2021]. Оценки разновидностей языка/языков, включая диалекты и акценты, не отражают ни языковое, ни эстетическое качество как таковое, а являются выражением социальной конвенции и предпочтений, которые, в свою очередь, отражают осознание статуса и престижа, приписываемых носителям этих разновидностей [Nakala, 2013]. При коммодификации же языка осознание коммерческой ценности тех или иных идиомов превращает их в самостоятельные сущности и рыночные инструменты для получения прибыли. Это хорошо видно, к примеру, в коммодификации русского языка на Кипре и в других излюбленных туристических дестинациях россиян, где в основе популярности русского языка лежат сугубо экономические мотивы, сочетаясь порой со скрытым негативным отношением к самим россиянам (см., напр.: [Pavlenko, 2012; Ryazanova-Clarke, Muth, 2015]). В исследовании

С. Мута также говорится о том, что Литва стала популярной дестинацией для русскоязычных медицинских туристов по причине прибыльности рынка медицинского туризма, экономического кризиса и демографических изменений в стране, и это произошло несмотря на частую демонстрацию националистических идеологий в политических дискурсах в Литве [Muth, 2017].

Таким образом, для ряда стран и регионов мира актуально выражение *money talks* («деньги решают все/говорят деньги»). Однако некоторые страны с сильной экономикой, такие как Швейцария или Великобритания, и страны с высоким уровнем антироссийских настроений, такие как Польша, не обязательно стремятся привлечь большее число российских туристов [Pavlenko, 2017].

3. Монголия как объект социолингвистических исследований. О материале и методологии изучения языкового ландшафта Улан-Батора

С точки зрения естественного многоязычия, Монголия является почти моноязычной страной, где доминирует государственный монгольский язык, хотя и включающий несколько диалектов и базирующийся на одном из них – халхасском диалекте. Если говорить об иностранных языках, то известно, что до распада СССР Монголия занимала практически первое место в мире по масштабам изучения и распространения русского языка, если не считать страны бывшего Советского Союза. Это объяснялось не только тем, что Монголия и Россия являются «вечными» территориальными соседями, но и тем, что в годы социализма его распространение напрямую было связано с соответствующей политикой и идеологией [Томтогтох, 2015]. По данным монгольских исследователей, в начале 1990-х годов в большинстве городов и аймаков Монголии в те времена 67,5 % опрошенных читали и понимали по-русски, 45 % – писали, 44,8 % – понимали и 33,7 % – говорили на русском языке. 74 % опрошенных утвердительно ответили на вопрос «Используете ли Вы русский язык?». Причем 20 % из опрошенных использовали русский язык ежедневно [Эрдэнэмаам, 2006: 335–336]. Известный монголовед К. Хамфри отмечает: «Дело не только в том, что монгольские писатели, историки часто писали на русском языке; в социалистический период широкие слои населения Монголии узнавали о современном мире по большей части из русско-советской учебной и художественной литературы. Известия о событиях и процессах в зарубежных странах шли в Монголию главным образом через советские информационные агентства, советские газеты и журналы, теле- и радиопрограммы. Осуществленный в 1941–1950 гг. переход на кириллическую письменность позволил открыть доступ более широким слоям населения не только к русской, но и к мировой литературе, дав им в то же время европеизированное понимание монгольского языка. Мало того, весь процесс

превращения монголов, как и представителей других стран, например вьетнамцев, в “людей XX века” находился под сильным влиянием “русского примера”» [Хамфри, 2012: 12].

Однако после 1991 г. в результате массового оттока русскоязычных специалистов и военных из Монголии, а также как следствие разрыва торгово-экономических связей между странами бывшего соцлагеря, объем изучения русского языка, его престиж резко сократились. Официальные власти страны также предпочли несколько дистанцироваться от русского языка из-за временного падения его экономической ценности. Это, одновременно с повсеместным распространением английского языка как языка международного общения и усилением экономических контактов Монголии с соседними азиатскими странами – Китаем, Южной Кореей и Японией, – ведет к тому, что русский язык вытесняется из образовательной, культурной и других сфер. На его место приходят, наряду с английским, языки вышеупомянутых стран. Однако, с другой стороны, присутствие русского языка в Монголии еще есть: сохранилась целая сеть российских школ, проводится много культурных мероприятий, связанных с русским языком [Эрдэнэмаам, 2014]. Русский язык пока остается востребованным монголами как язык международного общения, язык научной информации, язык образования. Многие специалисты отмечают, что отмена визового режима между Россией и Монголией (2014) способствовала не только росту трансграничной торговли, но и возникновению экономического запроса на русский язык [Михалев, 2018: 62; цит. по: Дырхеева и др., 2021].

Если тема валоризации языков в Монголии так или иначе присутствует как в научном, так и бытовом дискурсе, тема ЯЛ и отражения в нем языковых предпочтений жителей Монголии остается пока за пределами интереса (социо)лингвистов. В России, где традиционно сильна востоковедческая школа, преобладают работы, носящие сугубо монголоведческий, структурно-лингвистический характер; кроме того существует достаточно много работ, посвященных функционированию русского языка в этой соседней стране [см., напр.: Национальные языки в эпоху глобализации: Россия – Монголия, 2011; Русский язык в постсоветском мире: уход и возвращение? Опыт Монголии, 2012].

В отдельных публикациях упоминается востребованность иностранных языков, которые ранжируются следующим образом: 1) английский, 2) русский, 3) китайский, 4) японский, 5) немецкий, 6) корейский и 7) французский язык [Саранцацрал, 2019: 198]. С одной стороны, список построен на материалах социологического опроса и валидность его подтверждается похожими выводами других авторов [см., напр.: Дырхеева и др., 2021]. С другой стороны, отсутствие сведений о количестве и критериях отбора респондентов при опросе позволяет полагаться на него как на источник информации с определенной осторожностью. По мнению монгольского ученого С. Эрдэнэмаама, в монгольском обществе духовные и материальные

потребности привязаны к определенным языкам; одни иностранные языки, в первую очередь английский, становятся определенным товаром (commodity), другие, а именно русский язык, этой материальной, коммодификационной ценности не имеют [Эрдэнэмаам, 2005; цит. по: Дауренбек, 2019: 263]. При этом специальные исследования, где подобные выводы делались бы не на основе распространения языков и степени владения иностранными языками, а на других основаниях, например на представленности языков в ЯЛ, не проводились. Предлагаемая статья призвана в некоторой степени восполнить данный пробел.

Материалом нашего исследования стали единицы ЯЛ, собранные в феврале 2023 г. в столице Монголии городе Улан-Баторе. Сбор материала производился методом фотофиксации вывесок по обеим сторонам одной из центральных улиц – Бага тойруу. В выборку были включены те вывески, которые содержат надписи на языках, отличных от монгольского, и/или письменностях, отличных от кириллицы. Таким образом, в выборку вошли все знаки, кроме тех, которые содержат только одноязычные халха-монгольские кириллические надписи. Всего выборка включает в себя 280 вывесок, которые запечатлены на 250 фотографиях. Следует отметить, что выборка, ограниченная одной центральной улицей, может иметь ряд смещений и не показывать полной картины по представленности и функционированию языков, однако все же позволяет сделать первичные выводы об этих параметрах, которые впоследствии могут и должны уточняться более обширными исследованиями. Заметим также, что методика сбора эмпирического материала на одной из центральных торговых улиц является весьма распространенной [см.: Cenoz, Gorter, 2003; Cenoz, Gorter, 2006; Blackwood, Tufi, 2015], тогда эти улицы становятся своего рода *pars pro toto* ЯЛ всего города или даже всего региона [Gorter, 2018]. Такая методика сбора данных становится особенно оправданной, если ЯЛ региона не становился ранее объектом исследования, как в случае с Монголией вообще и ЯЛ Улан-Батора в частности.

Методология, которая легла в основу данного исследования, базируется на анализе, предложенном П. Бакхаусом [Backhaus, 2007], который включает теоретические наработки других исследователей ЯЛ [см.: Ben-Rafael et al., 2006]. Так, каждому знаку ЯЛ был дан индивидуальный номер (например, БТ001), а затем описаны следующие характеристики: происхождение знака (знаки государственных учреждений или частных заведений [Ibid.]), род заведения (например, заведение общественного питания, салон красоты, университет, школа и т.д.), тип многоязычия знака (одноязычие, дублирующее многоязычие или недублирующее многоязычие), а также расписаны конкретные языки, представленные на знаке. Отдельно учитываются языки названий частных заведений, поскольку именно эти названия являются их «визитными карточками», отражающими коммодификационную ценность того или иного языка.

4. Представленность и функционирование иностранных языков в языковом ландшафте Улан-Батора

Переходя к оценке представленности и функционирования языков, возможно предположить, что два этих параметра, как правило, прямым образом коррелируют друг с другом: чем выше представленность языка, тем шире сферы его функционирования. Из этого следует, что языки, встречающиеся наиболее часто в самых разных сферах, имеют высокую коммодификационную ценность, и наоборот, языки, встречающиеся редко и только в малом количестве сфер, имеют низкую коммодификационную ценность. Для подтверждения этого тезиса следует проанализировать представленность и функционирование языков, которые, с одной стороны, присутствуют на знаках разного происхождения, а с другой – представлены на знаках разных типов учреждений и заведений.

Многоязычие города Улан-Батора на обследованном участке включает в себя 12 иностранных языков, некоторые из них, например английский, японский, китайский, корейский и латынь, представлены как в общеупотребительных для них системах письма, так и в транслитерированном виде в кириллице, латинице и монгольской вертикальной письменности. В количественном отношении они распределяются следующим образом (см. табл. 1). Из таблицы видно, что наиболее представленным иностранным языком является английский, а также корейский и японский, которые значительно уступают английскому в представленности. Остальные языки встречаются лишь в единичных случаях.

Таблица 1

Количественное распределение языков в разных системах письма в ЯЛ Улан-Батора

Язык-источник знака	Система письма	Количество знаков
Английский	латиница	179
	кириллица	21
	монгольское письмо	1
Корейский	хангыль	7
	латиница	7
	кириллица	5
Японский	хирагана	2
	катакана	1
	латиница	3
	кириллица	6
Китайский	иероглифы	2
	латиница	2
	кириллица	1

Русский	кириллица	5
Латынь	латиница	1
	кириллица	1
Испанский	латиница	1
Итальянский	латиница	2
Французский	латиница	2
Санскрит	латиница	2
Узбекский	латиница	2
Турецкий	латиница	3

Кроме количественной оценки иностранных языков в ЯЛ Улан-Батора, необходимо составить общую картину того, на каких знаках по происхождению и по типу многоязычия эти языки встречаются (см. табл. 2). Поскольку фокус при сборе материалов был на знаках, содержащих иностранные языки, вполне логично было ожидать, что бо́льшая часть знаков будет принадлежать частным заведениям, а не государственным учреждениям (237 и 43 знака соответственно). Среди знаков частных заведений типы многоязычия распределены неравномерно: больше всего встретилось знаков с недублирующим многоязычием (132), одноязычные знаки немного уступают им в количестве и стоят на втором месте (96), и меньше всего знаков с дублирующим многоязычием (9). Если обратиться к официальным знакам, то в них все устроено противоположным образом: лидирующее место внутри этой группы занимают знаки с дублирующим многоязычием (30), второе место – одноязычные (13), а знаки с недублирующим многоязычием не представлены вообще. Сравнение групп официальных и частных знаков показывает, что владельцы частных заведений в гораздо большей степени (55 % случаев) склонны к сочетанию разных языков и систем письменности на своих вывесках (что выражается в их преимущественно недублирующем типе многоязычия), в то время как государственные учреждения, наоборот, стараются избегать этого и делают упор на дублирующее многоязычие (выбирая его в 70 % случаев). Одинаковой по популярности стратегией для обеих групп является одноязычие: оно прослеживается в 30 % случаев на официальных и в 40 % случаев на частных знаках.

Таблица 2

Распределение знаков по происхождению и типу многоязычия

Знаки/тип многоязычия	Одноязычие	Недублирующее многоязычие	Дублирующее многоязычие	Всего
Официальные	13 (30 %)	0 (0 %)	30 (70 %)	43 (100 %)
Частные	96 (40 %)	132 (55 %)	9 (5 %)	237 (100 %)
Всего	109	132	39	280

Причина такого распределения кроется в особенностях двух рассматриваемых групп знаков. Официальные знаки, размещаемые государственными учреждениями, подчиняются регулированию со стороны местного законодательства в большей степени, чем частные, и, соответственно, отражают государственную языковую политику. Для частных знаков, в свою очередь, характерна бóльшая свобода в выборе языка и способов его представленности (выбора системы письма, шрифта, размера и т.д.) [Ben-Rafael et al., 2006: 10]. Исходя из общего обзора представленности и предпочтений определенных типов многоязычия на знаках, появляется возможность перейти к анализу особенностей представленности и функционирования каждого языка в отдельности.

Английский язык

Английский язык представлен сразу в трех системах письма: традиционной для него латинице, кириллице и монгольском письме. Латиница является самым распространенным способом передачи надписей на английском языке в ЯЛ Улан-Батора: всего на обследованном участке было выявлено 179 случаев ее употребления (напр., “TalkTalkEnglish” (рис. 1), БТ097). Подавляющее количество англоязычных надписей на латинице можно объяснить тем, что английский язык воспринимается, в первую очередь, в связке с характерной для него системой письма.

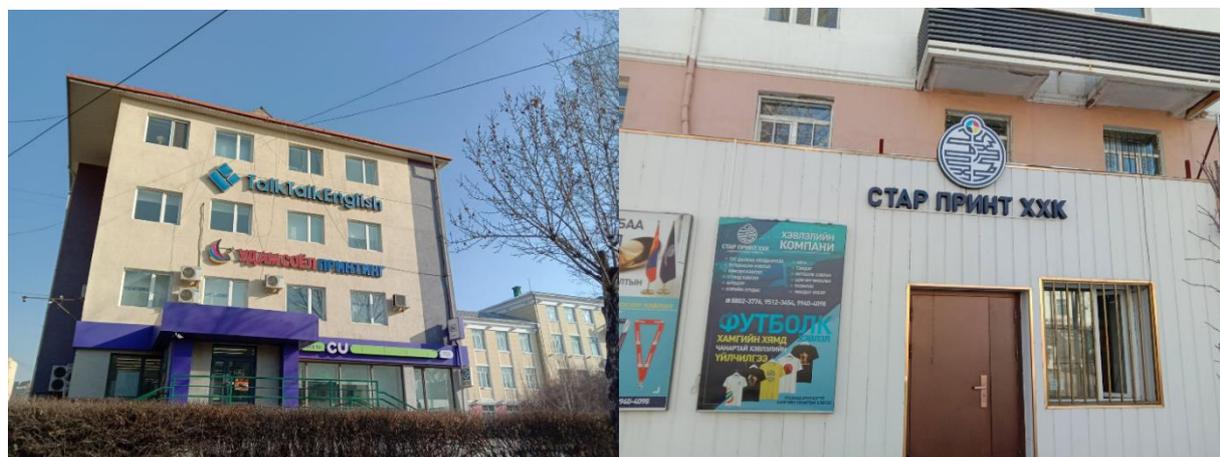

Рис. 1. Примеры использования английского языка в языковом ландшафте Улан-Батора

Гораздо более редким является использование кириллицы: с ней был зафиксирован 21 случай («Удам соёл принтинг» (рис. 1), БТ097). Кириллица чаще всего используется в тех случаях, когда слово уже в какой-то степени адаптировано в монгольский язык и имеет тенденцию восприниматься как свое или же когда есть намерение выделить знак одновременно как из других англоязычных знаков на латинице, так и из монголоязычных знаков на кириллице.

Представление же английских надписей посредством монгольского письма является редким исключением: удалось выявить лишь один случай такого употребления на логотипе компании «Стар принт» (рис. 1, логотип имеет круглую форму, БТ216). Единичное использование монгольского письма для оформления надписи на заведении с английским названием, скорее всего, выполняет сугубо символическую функцию, поскольку не нацелено на передачу какой-либо конкретной информации.

Большинство вывесок и знаков с надписями на английском языке относится к частным заведениям (217 частных и 31 официальный знак). Если официальные знаки, содержащие надписи на английском языке, относятся к образовательным учреждениям (школы, университеты, центры дополнительного образования детей), прочим государственным учреждениям, а также разного рода уличным указателям, то частные знаки с надписями на английском языке представлены гораздо более обширным числом заведений: заведения общественного питания, магазины, салоны красоты, услуги печати, различного рода рекламы, указатели и информационные таблички частных заведений и т.д.

Особый интерес представляют типы многоязычия, по которым оформляются англоязычные частные знаки. Так, надписи на английском языке в большинстве своем не дублируются на других языках, что хорошо представлено в табл. 2. Это говорит о том, что англоязычные надписи, скорее, служат не для предоставления какой-либо информации клиентам, а являются *символическими маркерами* брендинга и оформления частных заведений. В большинстве случаев под это описание попадают названия заведений, которые выполняют функцию их «визитной карточки». Если смотреть на единицы, которые несут на себе информативную нагрузку, например режимы работы, то можно отметить, что дублирование здесь распространено гораздо больше, хотя встречается и достаточное количество подобных одноязычных знаков.

Знаки официальных учреждений, содержащие английский язык, в отличие от частных, дублируются в подавляющем большинстве случаев на халха-монгольский в двух системах письма: в кириллице и монгольском письме. Само присутствие английского языка на такого рода

знаках не требуется законодательством в обязательном порядке, однако есть основания полагать, что в Улан-Баторе существует определенный консенсус относительно использования английского языка на официальных знаках. Лишь в редких случаях они представлены только на английском языке (например, “smoking zone”, БТ120). В этом случае предполагается, что данная надпись будет понятна для целевой аудитории.

Таким образом, широкое использование английского на разных типах знаков и в разных типах организаций подразумевает, что владельцы частных заведений, руководители государственных учреждений и, конечно же, люди, для которых все эти организации работают, осознают ценность и выгоду использования английского языка, обладающего высоким престижем во всем мире. Это позволяет сделать вывод о его высокой коммодификационной ценности для жителей столицы Монголии.

Корейский язык

Другим иностранным языком, представленным в ЯЛ Улан-Батора, является корейский язык. Исходя из полученных данных, его представленность в сравнении с английским оказывается в разы ниже: всего было зафиксировано семь случаев использования хангыля (традиционной корейской письменности), столько же случаев использования латиницы и пять случаев написания корейских надписей на кириллице.

Рис. 2. Примеры использования корейского языка в языковом ландшафте Улан-Батора

Из всех знаков, содержащих корейский язык, лишь один относится к официальным учреждениям (корейско-монгольский информационный центр (рис. 2), БТ132), в то время как 14 знаков относятся к частным. Частные заведения с вывесками и знаками на корейском языке – это чаще всего заведения общественного питания (кафе и рестораны), а также реклама, относящаяся к ним. Помимо этого, встретилась одна частная фармацевтическая компания с вывеской на корейском языке (БТ240).

Поскольку традиционная письменность корейского языка – хангыль – не имеет в Монголии такого же широкого распространения, как латиница или кириллица, все надписи на хангыле дублируются транслитерацией либо на кириллице, либо на латинице. Чаще всего к таким надписям относятся названия заведений, поскольку именно они несут на себе наибольшую символическую нагрузку и именно в интересах самих владельцев способно обеспечить его читаемость для потенциальных посетителей.

В сравнении с английским языком, функционирование корейского сведено до гораздо меньшего круга сфер, из которых главное место занимает сфера общественного питания. Важно отметить, что использование корейского языка в вывесках этих заведений является маркером того, что они связывают себя именно с корейской кухней и культурой. Вышесказанное позволяет указать на то, что коммодификационная ценность корейского языка гораздо ниже, чем английского, и связана именно со сферой общественного питания.

Японский язык

Японский язык на обследованном участке представлен надписями на традиционных разновидностях японского письма – хирагане и катакане (2 и 1 случай соответственно). Кроме того, есть надписи на кириллице и латинице, причем первых оказывается в два раза больше, чем вторых (6 и 3 соответственно). Преобладание кириллических надписей объясняется присутствием в ЯЛ Улан-Батора заимствований из японского языка, например слова «канон», которое происходит от названия японской фирмы “Canon” и обозначает в Монголии заведения, предоставляющие услуги ксерокопирования. В свою очередь, латинизированные японские надписи присутствуют в ЯЛ с той же целью, что и латинизированные корейские: они помогают воспринимать информацию, написанную в традиционных системах письма.

Знаки на японском языке на обследуемой территории встречаются только в частных заведениях. Представленность японского языка ограничивается тремя сферами, из которых абсолютное большинство составляют заведения общественного питания и связанная с ними реклама, а также услуги печати. Единично представлены салоны красоты и салоны автомобильных запчастей для японских машин (рис. 3).

Таким образом, коммодификационная ценность японского языка стоит примерно на одном уровне с корейским, поскольку его использование ограничено малым количеством сфер, услуги заведений которых связаны именно с Японией.

Рис. 3. Примеры использования японского языка в языковом ландшафте Улан-Батора

Китайский и русский языки

Китайский и русский языки рассматриваются в одном разделе, поскольку количество обнаруженных нами знаков на данных языках одинаково. Китайский язык представлен традиционными иероглифами (2 случая), а также надписями на латинице и кириллице (2 и 1 случай соответственно). Иероглифические надписи на китайском языке встречаются на тех знаках, информация которых имеет отношение к Китаю и его культуре, например декоративная арка с надписью «Бээжингийн гудамж» (х-монг. ‘улица Пекинская’), которая дублируется на китайский (БТ117) или же название ресторана “Jiahe” (кит. ‘прекрасный мир’) (БТ247) (см. рис. 4). В обоих случаях следует отметить, что надписи на иероглифах дублируются либо переводом на халха-монгольский, либо транслитерацией на латиницу. Делается это по той же причине, что и для корейских надписей на хангыле или японских надписей на хирагане и катакане – для возможности прочтения надписей и понимания, к чему они относятся.

Рис. 4. Примеры использования китайского языка в языковом ландшафте Улан-Батора

Кроме того, на встретившихся знаках представляется возможным выделить заимствования из китайского в халха-монгольском языке. К таким случаям относятся, например, слова “гоймон” (от кит. 挂面 *guà miàn*, ‘лапша’) и “хуушуур” (от кит. 火烧 *huǒ shāo*, ‘жареный чебурек’) (БТ159) (рис. 5).

Рис. 5. Примеры использования русского языка и заимствований из китайского в халха-монгольском языке в языковом ландшафте Улан-Батора

Русский язык на обследуемой территории представлен только кириллическими надписями (5 случаев), которые встречаются на вывесках частных заведений. Как и в случае использования других языков, знаки на русском языке отсылают к тому, что относится к России или же русской культуре. Например, на вывеске магазина «Кубаночка» (БТ152), в котором представлены российские товары одноименного бренда, и название, и тип заведения написаны на русском языке (в других случаях вместо слова «магазин» употребляется соответствующее монгольское слово «дэлгүүр») (рис. 6). Другое встретившееся употребление русского языка – это использование в надписи заимствованного из русского языка слова «пирожки» (БТ159) (рис. 5).

Рис. 6. Пример использования русского языка в языковом ландшафте Улан-Батора

Сравнительно небольшое присутствие китайского языка даже относительно корейского и японского может объясняться сложностью исторических взаимоотношений Монголии и Китая. Можно предположить, что именно этот фактор накладывает отпечаток на незначительное использование китайского языка в ЯЛ Улан-Батора в настоящее время, что выливается в его низкую коммодификационную ценность, несмотря на близкое соседство с Монголией и широкие экономические связи этих двух стран.

Что касается русского языка, то его слабая представленность также является показателем низкой коммодификационной ценности. В условиях постсоциализма Монголия, как и другие социалистические страны, открыла для себя более широкие возможности глобального мира, которые реализуются не через русский, а через английский язык. Следовательно, слабая представленность русского языка в ЯЛ Улан-Батора является вполне закономерной.

Другие языки

Выше было рассмотрено лишь несколько самых представленных языков, встретившихся на различных знаках на обследуемой территории. Остальные языки ввиду их малого присутствия не имеет смысла рассматривать по отдельности, поскольку все они повторяют примерно одни и те же закономерности в плане представленности и функционирования. К таким языкам относятся латынь, испанский, итальянский, французский, санскрит, узбекский, турецкий. Большая часть этих языков представлена в сфере общественного питания и отражает специфику самих заведений (рис. 7): так, итальянское название кофейни “Caffè bene” (БТ062) и написание его на итальянском языке наиболее вероятно связано со значимостью кофе в

итальянской культур; испанское название ресторана “Torres” (БТ217) говорит о представленности в нем испанской и мексиканской кухонь, а название ресторана “Navat” показывает связь этого заведения с узбекской гастрономической культурой.

Несмотря на то что эти случаи функционально повторяют те же закономерности, по которым представлены и другие языки, стоит указать, что заведения, использующие их, не так распространены в городской среде Улан-Батора, что говорит о низкой коммодификационной ценности всех этих языков в сравнении с английским, корейским и японским языками.

Рис. 7. Итальянский, испанский и узбекский языки в языковом ландшафте Улан-Батора

5. Заключение

Проведенный анализ представленности и функционирования иностранных языков в ЯЛ Улан-Батора показал следующие закономерности: наиболее используемыми языками являются английский, корейский и японский языки. Здесь важно отметить большой разрыв между английским и двумя другими языками, который свидетельствует о крайне высокой коммодификационной ценности английского языка, что подтверждается его высокой представленностью и широким использованием в знаках заведений и учреждений, относящихся к самым разным сферам. Корейский и японский языки, в свою очередь, имеют тоже относительно высокую коммодификационную ценность, поскольку закономерно встречаются на

обследованной территории несколько раз в различных сферах. Остальные языки, в число которых вошли китайский, русский, итальянский, испанский, французский, санскрит, узбекский и турецкий, встречаются спорадически и в крайне малом количестве, поэтому их коммодификационная ценность может обоснованно считаться самой низкой.

Если коммодификационная ценность английского языка очевидна, то ценность корейского и японского, языков двух государств с сильной экономикой и узнаваемой, самобытной культурой, является, скорее, важной особенностью ЯЛ Улан-Батора. Это позволяет говорить о том, что товары и услуги, ассоциированные с этими странами, пользуются достаточно большим спросом у жителей столицы. На этом фоне наблюдается относительно низкая коммодификационная ценность китайского и русского языков, стран –ближайших соседей Монголии, с которыми ее связывают достаточно сильные экономические отношения. Такое положение этих языков говорит о том, что они не так привлекательны для жителей Улан-Батора, как корейский и японский, и соответственно, из их использования в ЯЛ можно извлечь гораздо меньше прибыли.

Одинаково низкая степень присутствия китайского и русского языков в ЯЛ Улан-Батора имеет под собой, однако, неодинаковые экономические, политические и другие основания, точнее отражает когнитивную репрезентацию данных оснований в сознании социальных акторов – создателей соответствующих единиц ЯЛ. Возможно, ЯЛ Улан-Батора на момент сбора материала (февраль 2023 г.) оказался в своего рода точке бифуркации, где в случайно кратковременном равновесии оказались два разнонаправленных процесса: продолжающийся уход русского языка, отражающий постепенное понижение роли России как стратегического партнера Монголии, и когнитивные репрезентации и языковые установки населения Монголии по отношению к китайскому языку. С учетом растущего присутствия китайского бизнеса и политического влияния Китая в Монголии можно было бы предположить бóльшую степень присутствия китайского языка в ЯЛ столицы Монголии – его непосредственного соседа и самого крупного торгового партнера. Тем не менее, как показало наше исследование, этого не происходит. Поскольку мы не проводили специального исследования отношения к языкам населения Монголии, мы можем только предположить с опорой на другие работы, что низкий уровень представленности китайского языка в столице Монголии связан с антикитайскими настроениями монголов [Radchenko, 2018]. Таким образом, в отношении ЯЛ Улан-Батора невозможно сделать вывод об отделении языка от ассоциирующихся с ним носителей, а также о том, что «деньги решают все», как следует из наблюдений ученых за ЯЛ в некоторых других регионах мира (см. раздел 2). Коммодификация языков в ЯЛ Улан-Батора имеет свои границы,

и репрезентация тех или иных языков как символических знаков движима отнюдь не только инструментально-прагматичными, но и неутилитарными, нерациональными мотивами.

Литература

- Баранова В., Федорова К.* (2020) Видимо-невидимо : Миграция и трансформация языкового ландшафта Санкт-Петербурга // *Laboratorium: журнал социальных исследований*. № 12 (1). С. 48–80. DOI: 10.25285/2078-1938-2020-12-1-48-80.
- Дауренбек Н.* (2019) Распространение русского языка в Монголии // *Философские, социологические и психолого-педагогические проблемы современного образования*. № 1. С. 262–264.
- Дырхеева Г.А., Цыбенова Ч.С., Цэрэнчимэд Саранцацрал, Дашдондог Энхбат.* (2021) Русский язык в системе образования Монголии : Состояние, динамика, проблемы [Электронный ресурс] // *Социолингвистика*. № 1 (5). С. 31–48. DOI: 10.37892/2713-2951-2021-1-5-31-48.
- Иванов В.В.* (2021) Бурятский язык в языковом ландшафте и языковых практиках в городе Улан-Удэ [Электронный ресурс] // *Социолингвистика*. № 1 (5). С. 147–163. DOI: 10.37892/2713-2951-2021-1-5-147-163.
- Михайлюкова Н.В.* (2013) Тексты городских вывесок как особый речевой жанр: (На материале языка г. Владивостока): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владивосток. 27 с.
- Национальные языки в эпоху глобализации: Россия – Монголия.* (2011) М.: Тезаурус.
- Павленко А.* (2016) Русский язык как лингва франка в зарубежной сфере обслуживания // *Мир русского слова*. № 1. С. 23–32.
- Павленко А.* (2017) Языковые ландшафты и другие социолингвистические методы исследования русского языка за рубежом // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. Т. 21. № 3. С. 493–514. DOI 10.22363/2312-9182-2017-21-2-493-514
- Пешкова Н.П.* (2016) Анализ лингвистического ландшафта города как интегративный метод исследования вербального сознания и состояния языка городского социума // *Актуальные проблемы русской и сопоставительной филологии: Теория и практика*. Уфа: РИЦ БашГУ. С. 53–58.
- Русский язык в постсоветском мире: Уход и возвращение? Опыт Монголии.* (2012) Мат. Междунар. науч.-практической конф. Улан-Батор, 15–16. 09. 2010 / Сост., отв. ред. С. Панарин. Улан-Батор: Монгольский государственный университет науки и технологии. С. 11–14.
- Томтогтох Г.* (2015) Русский язык в социокультурном пространстве современной Монголии // *Лингвистика и межкультурная коммуникация*. Вып. № 4 (18). С. 208–213.
- Хамфри К.* (2012) Русский язык как средство взаимопонимания между Монголией и Европой в XX – начале XXI века // *Русский язык в постсоветском мире : Уход и возвращение? Опыт Монголии*. Мат. Междунар. науч.-практической конф. Улан-Батор, 15–16. 09. 2010 / Сост., отв. ред. С. Панарин. Улан-Батор: Монгольский государственный университет науки и технологии. С. 11–14.
- Хилханов Д. Л., Хилханова Э.В.* (2021) Феномен культурной дистанции в современных условиях : (Языковые и религиозные факторы) // *Вестник МГПУ. Серия: Философские науки*. № 3 (39). С. 56–67. DOI 10.25688/2078-9238.2021.39.3.06.
- Хилханова Э.В.* (2022a) Языковая установка и языковая идеология в западной и российской науке: о разграничении понятий // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. № 3. С. 148–162.
- Хилханова Э.В.* (2022b) Экономика языка и многоязычие : Опыт исследования в Татарстане // *Научный результат : Вопросы теоретической и прикладной лингвистики*. Т. 8. № 2. С. 52–65. DOI: 10.18413/2313-8912-2022-8-2-0-4

- Цэрэнчимэд Саранцаирул.* (2019) Языковая политика и языковая ситуация по иностранным языкам в современной Монголии // Языки в полиэтническом государстве : Развитие, планирование, прогнозирование. Международная конференция. Республика Бурятия, Улан-Удэ–Горячинск, 1–4 июля 2019 г. : Доклады и сообщения / Отв. Г.А. Дырхеева, А.Н. Биткеева, С.В. Кириленко, Б.Д. Цыренов; Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Институт языкознания РАН, Научный центр «Восточная Европа» (GiZo) Гиссенского университета им. Юстуса Либига. Улан-Удэ.
- Эрдэнэмаам С.* (2014) О положении русского языка в Монголии и об интерферентных ошибках, допускаемых студентами-монголами // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. № 3. С. 138–143. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2226-3365.1403.14>.
- Эрдэнэмаам С.* (2006) Русский язык и образ России в современном монгольском обществе // Русский язык и культура в системе образования Монголии: Сб. науч.-методической конф. Улан-Батор. С. 330–338.
- Backhaus, P.* (2007) Linguistic Landscape : A comparative Study of Urban Multilingualism in Tokio : Multilingual Matters (136). New York; Ontario; Clevelon.
- Ben-Rafael, E., Shohamy, E., Hasan Amara, M., Trumper-Hecht, N.* (2006) Linguistic landscape as symbolic construction of the public space : The case of Israel. Linguistic Landscape: A New Approach to Multilingualism. Pp. 7–30.
- Blackwood, R., Tufi, S.* (2015) The Linguistic Landscape of the Mediterranean : French and Italian Coastal Cities. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Chambers, J.K.* (2000) Sociolinguistic uses of Subjective Evaluation Tests // Einstellungsforschung in der Soziolinguistik und Nachbardisziplinen = Studies in language attitudes / Szilvia Deminger... (Hrsg.). Frankfurt am Main ; Berlin ; Bern ; Bruxelles ; New York ; Oxford ; Wien: Lang. Pp. 73–83.
- Cenoz, J. and D. Gorter.* (2006). “Linguistic Landscape and Minority Languages” // International Journal of Multilingualism. No. 3 (1). Pp. 67–80. <https://doi.org/10.1080/14790710608668386>.
- Cenoz, J. and Gorter, D.* (2003) The linguistic landscape of Erregezainen // Escolta Real. Paper presented at the Third Conference on Third Language Acquisition and Trilingualism, September 2003, Tralee, Ireland.
- Duchêne, A. and M. Heller* (Eds.). (2012) Language in Late Capitalism : Pride and Profit. New York: Routledge.
- Ferguson, J., Sidorova, L.* (2018) What language advertises : Ethnographic branding in the linguistic landscape of Yakutsk // Language Policy. Т. 17. №. 1. Pp. 23–54.
- Gorter, D.* (2018) Methods and techniques for linguistic landscape research : About definitions, core issues and technological innovations // Expanding the Linguistic Landscape : Multilingualism, Language Policy and the Use of Space as a Semiotic Resource / M. Pütz, N. Mundt (Eds). Bristol: Multilingual Matter. Pp. 38–57. DOI 10.21832/9781788922166-005.
- Hakala, H.* (2013) “Almost as annoying as the Yank; better accent, though” : Attitudes and Conceptions of Finnish Students toward Accents of English. http://www.helsinki.fi/englanti/elfa/ProGradu_Henrik_Hakala.pdf. Access date: 03.06.2023.
- Muth, S.* (2017) Русский язык за рубежом : Взгляд на язык сквозь призму коммодификации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. Т. 21. № 3. С. 463–492. DOI 10.22363/2312-9182-2017-21-2-463-492.
- Pavlenko, A.* (2017) Russian-friendly : How Russian became a commodity in Europe and beyond // International Journal of Bilingual Education and Bilingualism. No. 20 (4). Pp. 385–403. DOI: [10.1080/13670050.2015.1115001](https://doi.org/10.1080/13670050.2015.1115001).
- Radchenko, S.* (2018). Sino-Russian Competition in Mongolia // International Relations and Asia’s Northern Tier. Asan-Palgrave Macmillan Series / G. Rozman, S. Radchenko (Eds.). Palgrave, Singapore. https://doi.org/10.1007/978-981-10-3144-1_7

- Viimaranta, H., Protassova, E., Mustajoki, A.* (2017) Aspects of Commodification of Russian in Finland // *Russian Journal of Linguistics*. No. 21 (3). Pp. 620–634. DOI 10.22363/2312-9182-2017-21-3-620-634.
- Ryazanova-Clarke, L., Muth, S.* (2015). The commodification of Russian around the world // *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*. Special issue. Pp. 1–4.

References

- Baranova, V., Fedorova, K.* (2020) Vidimo-nevidimo : Migracija i transformacija jazykovogo landshafta Sankt-Peterburga [Growing visibility : Migration and transformations in Saint Petersburg's linguistic landscape // *Laboratorium : Journal of Social Research*. No. 12 (1). Pp. 48–80. DOI: 10.25285/2078-1938-2020-12-1-48-80. (In Russ.)
- Daurenbek, N.* (2019) Rasprostranenie russkogo jazyka v Mongolii [The spread of the Russian language in Mongolia] // *Filosofskie, sociologicheskie i psihologo-pedagogicheskie problemy sovremennogo obrazovanija* [Philosophical, sociological and psychological-pedagogical problems of modern education]. No. 1. Pp. 262–264. (In Russ.)
- Dyrkheeva, G.A., Tsybenova, Ch.S., Cerenchimed, S., Dashdondog, E.* (2021). Russkij jazyk v sisteme obrazovanija Mongolii : Sostojanie, dinamika, problemy [Russian in Mongolian education system : State, dynamics, problems] // *Sociolinguistics*. No. 1 (5) [online]. Pp. 31–48. DOI: 10.37892/2713-2951-2021-1-5-31-48. (In Russ.)
- Ivanov, V.V.* (2021) Burjatskij jazyk v jazykovom landshafte i jazykovyh praktikah v gorode Ulan-Ude [The Buryat language in the linguistic landscape and language practices in Ulan-Ude] // *Sociolinguistics*. No. 1 (5) [online]. Pp. 147–163. DOI: 10.37892/2713-2951-2021-1-5-147-163. (In Russ.)
- Mikhajljukova, N.V.* (2013) Teksty gorodskih vyvesok kak osobyj rechevoj zhanr : (Na materiale jazyka g. Vladivostoka): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Texts of city signs as a special speech genre (based on the material of the language of Vladivostok): PhD thesis, summary]. Vladivostok. 27 p. (In Russ.)
- Nacional'nye jazyki v epokhu globalizacii: Rossiya – Mongolija (2011) [National languages in the Era of Globalization: Russia – Mongolia]. M.: Tezaurus. (In Russ.)
- Pavlenko, A.* (2016) Russkij jazyk kak lingua franca v zarubezhnoj sfere obsluzhivanija [Russian as a lingua franca in the global service industry] // *Mir russkogo slova* [The world of the Russian word]. No. 1. Pp. 23–32. (In Russ.)
- Pavlenko, A.* (2017). Yazykovye landshafty i drugie sotsiolingvisticheskie metody issledovanija russkogo yazyka za rubezhom [Linguistic Landscape and other Sociolinguistic Methods in the Study of Russian Language Abroad] // *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya : Lingvistika* [Russian Journal of Linguistics]. No. 21 (3). Pp. 493–514. DOI 10.22363/2312-9182-2017-21-2-493-514. (In Russ.)
- Peshkova, N.P.* (2016) Analiz lingvisticheskogo landshafta goroda kak integrativnyj metod issledovanija verbal'nogo soznanija i sostojanija jazyka gorodskogo sociuma [Analysis of the linguistic landscape of the city as an integrative method of studying verbal consciousness and the state of the language of urban society] // *Aktual'nye problemy russkoj i sopostavitel'noj filologii : Teorija i praktika* [Actual problems of Russian and comparative philology : Theory and practice]. Ufa: RIC BashGU. Pp. 53–58. (In Russ.)
- Russkij jazyk v postsovet'skom mire: Ukhod i vozvrashhenie? Opyt Mongolii. (2012) *Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-praktičeskoj konferencii* [The Russian language in the post-Soviet world : Departure and return? The experience of Mongolia. Materials of the International Scientific and Practical Conference]. Ulaanbaatar, 15–16.09.2010 / Ed. by S. Panarin. Ulaanbaatar: Mongol'skij gosudarstvennyj universitet nauki i tehnologii. Pp. 11–14. (In Russ.)
- Tomtoġtokh, G.* (2015) Russkij jazyk v sociokul'turnom prostranstve sovremennoj Mongolii [Russian Russian in the socio-cultural space of modern Mongolia] // *Lingvistika i mezhkul'turnaja*

- kommunikacija [Linguistics and intercultural communication]. Iss.№ 4 (18). Pp. 208–213. (In Russ.)
- Humphrey, K.* (2012) Russkij jazyk kak sredstvo vzaimoponimaniya mezhdu Mongoliej i Evropoj v XX – nachale XXI veka [Russian language as a means of mutual understanding between Mongolia and Europe in the XX – early XXI century] // Russkij jazyk v postsovetskom mire : Ukhod i vozvrashhenie? Opyt Mongolii. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii [The Russian language in the post-Soviet world: Departure and return? The experience of Mongolia. Materials of the International Scientific and Practical Conference]. Ulaanbatar, 15–16. 09. 2010 / Ed. by S. Panarin. Ulaanbaatar: Mongol'skij gosudarstvennyj universitet nauki i tehnologii. Pp. 11–14. (In Russ.)
- Khilkhanov, D. L. Khilkhanova, E.V.* (2021) Fenomen kul'turnoj distancii v sovremennyh uslovijah : (Jazykovye i religioznye faktory) [The phenomenon of cultural distance in modern conditions : (Linguistic and religious factors)] // Vestnik MGPU. Serija: Filosofskie nauki [Vestnik Moscow city university. Series Philosophical science]. No. 3 (39). Pp. 56–67. DOI 10.25688/2078-9238.2021.39.3.06.
- Khilkhanova, E. V.* (2022a) Jazykovaja ustanovka i jazykovaja ideologija v zapadnoj i rossijskoj nauke: o razgranichenii ponjatij [Language attitudes and language ideologies in Western and Russian scholarship: the differentiation of concepts]. Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication. No. 3. Pp. 148–162. (In Russ.)
- Khilkhanova, E. V.* (2022b). Ekonomika jazyka i mnogojazychie : Opyt issledovanija v Tatarstane [Language economy and multilingualism : The case of Tatarstan] // Nauchnyj rezul'tat. Voprosy teoreticheskoj i prikladnoj lingvistiki [Research Result : Theoretical and Applied Linguistics]. No. 8 (2). Pp. 52–65. DOI: 10.18413/2313-8912-2022-8-2-0-4 (In Russ.)
- Cjerjenchimjed Sarancacral* (2019). Jazykovaja politika i jazykovaja situacija po inostrannym jazykam v sovremennoj Mongolii [Language policy and language situation in foreign languages in modern Mongolia] // Jazyki v polijetnicheskom gosudarstve : Razvitie, planirovanie, prognozirovanie. Mezhdunarodnaja konferencija (Respublika Burjatija, Ulan-Udje ; Gorjachinsk, 1–4 ijulja 2019 g.) : Doklady i soobshhenija [Languages in a multiethnic state: development, planning, forecasting. International Conference (Republic of Buryatia, Ulan-Ude–Goryachinsk, July 1–4, 2019): Reports and messages] / Ed. by G.A. Dyrheeva, A.N. Bitkeeva, S.V. Kirilenko, B.D. Tsyrenov; Institut mongolovedenija, buddologii i tibetologii SO RAN, Institut jazykoznanija RAN, Nauchnyj centr «Vostochnaja Evropa» (GiZo) Gissenskogo universiteta im. Justusa Libiga. Ulan-Ude. (In Russ.)
- Erdenemam, S.* (2014) About the status of the Russian language in Mongolia and interferential mistakes made by Mongolian students // Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin. Vol. 4. No. 3. Pp. 138–143. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2226-3365.1403.14> (In Russ.)
- Erdenemam, S.* (2006) Russkij jazyk i obraz Rossii v sovremennom mongol'skom obshhestve [Russian language and the image of Russia in modern Mongolian society] // Russkij jazyk i kul'tura v sisteme obrazovanija Mongolii : Sbornik nauchno-metodicheskoj konferencii [Russian language and culture in the education system of Mongolia: Collection of scientific and methodological conference]. Ulaanbaatar. Pp. 33–338.
- Backhaus, P.* (2007) Linguistic Landscape. A comparative Study of Urban Multilingualism in Tokio. Multilingual Matters (136). New York ; Ontario ; Clevelon.
- Ben-Rafael, E., Shohamy, E., Hasan Amara, M., Trumper-Hecht, N.* (2006) Linguistic landscape as symbolic construction of the public space: The case of Israel. Linguistic Landscape: A New Approach to Multilingualism. Pp. 7–30.
- Blackwood, R., Tufi, S.* (2015) The Linguistic Landscape of the Mediterranean : French and Italian Coastal Cities. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Chambers, J.K.* (2000) Sociolinguistic uses of Subjective Evaluation Tests // Einstellungsforschung in der Soziolinguistik und Nachbardisziplinen = Studies in language attitudes / Szilvia Deminger...

- (Hrsg.). Frankfurt am Main ; Berlin ; Bern ; Bruxelles ; New York ; Oxford ; Wien: Lang. Pp. 73–83.
- Cenoz, J. and D. Gorter.* (2006). “Linguistic Landscape and Minority Languages” // *International Journal of Multilingualism*. No. 3 (1). Pp. 67–80. <https://doi.org/10.1080/14790710608668386>.
- Cenoz, J. and Gorter, D.* (2003) The linguistic landscape of Errezainen // *Escolta Real*. Paper presented at the Third Conference on Third Language Acquisition and Trilingualism, September 2003, Tralee, Ireland.
- Duchêne, A. and M. Heller* (Eds.). (2012). *Language in Late Capitalism : Pride and Profit*. New York: Routledge.
- Ferguson, J., Sidorova, L.* (2018) What language advertises : Ethnographic branding in the linguistic landscape of Yakutsk // *Language Policy*. Vol. 17. No. 1. Pp. 23–54.
- Gorter, D.* (2018) Methods and techniques for linguistic landscape research : About definitions, core issues and technological innovations // *Expanding the Linguistic Landscape: Multilingualism, Language Policy and the Use of Space as a Semiotic Resource / M. Pütz, N. Mundt* (Eds). Bristol: Multilingual Matter. Pp. 38-57. DOI 10.21832/9781788922166-005.
- Hakala, H.* (2013) “Almost as annoying as the Yank; better accent, though” : Attitudes and Conceptions of Finnish Students toward Accents of English. http://www.helsinki.fi/~englanti/elfa/ProGradu_Henrik_Hakala.pdf. Access date: 03.06.2023.
- Muth, S.* (2017). *Russkiy yazyk za rubezhom : Vzglyad na yazyk skvoz' prizmu kommodifikatsii* [Russian Language Abroad : Viewing Language through the Lens of Commodification] // *Russian Journal of Linguistics*. No. 21 (3). Pp. 463–492. DOI 10.22363/2312-9182-2017-21-2-463-492. (In Russ.)
- Pavlenko, A.* (2017) Russian-friendly : How Russian became a commodity in Europe and beyond // *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*. No. 20 (4). Pp. 385–403. DOI: [10.1080/13670050.2015.1115001](https://doi.org/10.1080/13670050.2015.1115001).
- Viimaranta, H., Protassova, E., Mustajoki, A.* (2017) Aspects of Commodification of Russian in Finland // *Russian Journal of Linguistics*. No. 21 (3). Pp. 620–634. DOI 10.22363/2312-9182-2017-21-3-620-634.
- Ryazanova-Clarke, L., Muth, S.* (2015). The commodification of Russian around the world // *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*. Special iss. Pp. 1–4

Примечание

Статья написана при финансовой поддержке РФФИ и Немецкого научно-исследовательского сообщества в рамках научного проекта № 21-512-12002 ННИО_а «Методы прогнозирования и будущие сценарии развития языковой политики (на примере многоязычной Российской Федерации)»

The reported study was funded by RFBR and DFG, project number № 21-512-12002 ННИО_а “Prognostic methods and future scenarios in language policy – multicultural Russia as an example”

Благодарности

Авторы благодарят за помощь в переводе вывесок на корейском и китайском языках Дашибылову Татьяну Булатовну (корейский язык) и Ошорову Туяну Зоригтуевну (китайский язык).

Хилханова Эржен Владимировна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН

Адрес: 125009, Россия, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1/1
Эл. адрес: erzhen133@mail.ru

Иванов Вячеслав Валерьевич – младший научный сотрудник Научного центра по сохранению, возрождению и документации языков России Института языкознания РАН
Адрес: 125009, Россия, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1/1
Эл. адрес: vvivanov@iling-ran.ru

Для цитирования: *Хилханова Э.В., Иванов В.В.* Коммодификация языков и языковой ландшафт столицы Монголии [Электронный ресурс]. Социоллингвистика. 2023. № 2 (14) С. 129–153. DOI: 10.37892/2713–2951–2-14-129-153

For citation: *Khilkhanova, E.V., Ivanov, V.V.* The commodification of languages and linguistic landscape of the capital of Mongolia [online] // Sociolinguistics. 2023. No. 2 (14). Pp. 129–153. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713–2951–2-14-129-153